

Йоже Пирьевец

Словенцы и русские (1918–2008)

Никогда ранее и в более поздние периоды не было столько словенцев в России и столько русских в Словении как в период Первой мировой войны. Конечно, они не были туристами, приехавшими туда добровольно, а военнопленными и дезертирами, захваченными в Галиции, где столкнулись российские и австро-венгерские войска. Их рассылали в различные лагеря в тылу, где они влачили жалкое существование до конца войны. Часть из тех, кто выжил, включились в вихрь событий, которые в 1917–1918 гг. разрушили обе империи. О русских в Словении (их было приблизительно 10 тысяч), например, известно, что некоторые их воинские части вместе со словенскими, хорватскими и сербскими солдатами участвовали 30 октября 1918 г. в окончательном разгроме австрийских сил. В Любляне они заняли военную комендатуру, железнодорожный вокзал и другие ключевые объекты¹. Многие свидетельства словенских военнопленных в России, с другой стороны, рассказывают, как эти молодые люди, которых страдания сделали опытными мужчинами, включились в вихрь революции и гражданской войны. Некоторые из них выступили на стороне белых, другие же — на стороне большевиков. В Красной Армии они занимали ответственные должности. Так Сречко Йерас в 1919 г. был начальником штаба актюбинского фронта, Йоже Велнар — командиром 27-ого полка, Иван Мажгон сражался в рядах партизан на Алтае. И это лишь некоторые имена². Большинство из тех, кто выжил, после мирного договора в Брест-Литовске возвращались на родину, часто через Сибирь и Китай. И там они оказались совсем в других условиях, чем когда их призвали на военную службу³. Древняя габсбургская монархия, которая в последние годы своего существования оказалась настоящей мачехой для словенцев, но вместе с тем и объединяла их в своих границах, распалась, и на ее руинах возникли новые государства. Между ними и была разделена словенская территория: Приморье, с приблизительно 350 тысячами словенцев, получила Италия, в обрезанной со всех сторон республиканской Австрии в Каринтии тоже осталось немалое число словенцев⁴.

В этих обстоятельствах обнаружилось весьма интересное явление: выдающиеся представители интеллектуальной элиты Словении, зачастую только что возвратившиеся из плена, довольно критически отнеслись к русской революции. В ней они увидели «кровавый хаос», патологическое явление и «болезнь русской души»⁵. В Приморье, оказавшемся

под властью Италии, традиционное увлечение Россией привело к убеждению рабочих и части интеллигенции в том, что только коммунизм в силах справедливо решить социальные и национальные проблемы. С приходом к власти фашистов в октябре 1922 г. легальная деятельность Коммунистической партии Италии, членами которой являлись многие словенцы, стала невозможной. Но это, конечно, не означало прекращения отдельными коммунистами агитационной деятельности. Когда к концу 20-х гг. усилились репрессии со стороны режима Муссолини, часть из них отправилась в Москву, где под покровительством Коминтерна образовалась небольшая, но довольно активная словенская колония. Среди приморских беженцев, обосновавшихся в Москве, стоит выделить по крайней мере троих: Владимира Мартеланца, Ивана Регента и Драгутина Густинчича, сумевших сохранить свои идеалы вопреки очень тяжелым условиям жизни, в которых они оказались. Убежденные в том, что только от пролетарской революции можно ожидать решения словенского вопроса, Регент и Густинчич содействовали принятию в 1934 г. решения Коминтерна рекомендовать коммунистическим партиям Италии, Австрии и Югославии сделать общее заявление о признании права словенского народа на самоопределение и тем самым на собственную государственность⁶. Меньшим успехом завершилось их стремление добиться разрешения на создание единой словенской коммунистической партии, невзирая на страны, в которых проживали словенцы. Возобладало мнение, которое отстаивали Центральные комитеты Коммунистической партии Югославии и Коммунистической партии Италии, что в настоящее время нельзя подрывать «большевистское интернациональное единство пролетариата»⁷.

В словенской диаспоре в Москве в тридцатые годы имелись не только приморцы, но также коммунисты из центральной Словении и Каринтии. Некоторые из них избежали репрессий и в дальнейшем стали ведущими представителями освободительного движения в Словении и позже властных структур, когда после войны образовалась социалистическая Югославия. Эдвард Кардель, главный идеолог Коммунистической партии Югославии, Борис Кидрич, первый премьер правительства Народной Республики Словении, Зденка Кидрич, руководитель Службы безопасности и разведки Освободительного фронта в период войны, Алеш Беблер, сражавшийся в Испании, в дальнейшем крупный деятель в военной, политической, дипломатической областях, Матия Мачек, один из влиятельных словенцев в Управлении государственной безопасности в период войны и после нее, — это лишь некоторые имена представителей молодой гвардии коммунистов, прошедших партийные школы

в Москве, где укрепились их идеология, а в последствие критически писавших о современной советской действительности⁸. Не все, конечно, смогли вырваться из тисков сталинского режима без последствий. Немало словенцев оказалось на Лубянке, побывали в разных лагерях ГУЛАГа и даже были расстреляны. Среди тех, кто пережил террор НКВД, упомянем лишь Франце Клопчича. После возвращения на родину в середине пятидесятих годов этот убежденный большевик описал в книге воспоминаний «Десятилетия испытаний» (1980) свой крестный путь по московским тюрьмам и сибирским лагерям с искренностью, превосходящей даже произведения Солженицына, но не переходящей в ненависть.

Если Москва в тридцатые годы прошлого столетия была убежищем для словенской «красной» эмиграции, то Любляна уже в двадцатые годы стала убежищем для русской «белой» эмиграции. Перед окончанием гражданской войны в России в Королевство сербов, хорватов и словенцев перебралось от 60 до 75 тысяч противников советской власти, нашедших в регенте, а впоследствии короле Александре Карагеоргиевиче гостеприимного защитника. Среди них было много военных из так называемой Армии Врангеля, которых белградские власти направляли на сложнейшие рубежи. Например, словенские границы с Австрией, Венгрией и Италией вплоть до декабря 1922 г. охранял Третий конный полк под командованием Ивана Глебова. Врангель учредил строительное предприятие «Техника», чтобы трудоустроить после завершения пограничной службы своих людей, и этим ответил на нужды белградской власти, которой не хватало квалифицированных рабочих для строительства шоссе и железных дорог. «Техника», сохранившая военную структуру, в 1923 г. построила в Прекмурье железную дорогу Ормож–Лютомер⁹.

Значительный след в словенском обществе оставили гражданские лица, из которых в Словении проживало 588 человек (по данным на 1941 г.) Этих беженцев, по закону составлявших «русскую колонию», разместили по деревянным баракам, построенным в Австро-Венгрии для военнопленных, и сначала они оказались в очень тяжелом положении. Быстрее всего адаптировались к новой среде интеллектуалы, нашедшие работу в трех югославских университетах (столько их было в то время в молодой стране). Только что учрежденный новый университет в Любляне широко открыл перед ними двери. Из-за недостатка отечественных кадров, русские научные деятели и профессора оказались очень востребованными: ведь они принесли с собой богатый опыт и внесли значительный вклад в развитие высшего образования в словенской столице. Больше всего русских преподавателей было на юридическом факультете (А. Д. Билимович, Е. В. Спекторский, М. Н. Ясинский, А. В. Маклецов), трое преподава-

ли на техническом факультете (Д. В. Фрост, В. Н. Никитин, В. Грудинский, отчасти также А. Канский), двое — на философском факультете (Н. Ф. Преображенский, Н. М. Бубнов) и один — на медицинском факультете (А. Канский). Самым знаменитым среди них был Александр Дмитриевич Билимович, бывший профессор политической экономии и несколько месяцев в 1919–1920 гг. даже министр в антибольшевистском правительстве А. Н. Деникина. В Любляне он дважды становился деканом юридического факультета, а также председательствовал в обществе Русская матица, центральной культурной и просветительской организации русской диаспоры в Югославии¹⁰. Группа врачей из русских эмигрантов открыла в Вутберке санаторий, который сначала предназначался только для русских легочных больных, но вскоре стал доступным и для словенцев¹¹.

Помимо ученых нельзя также забывать о русских театральных деятелях, творчески включившихся в словенскую культурную жизнь. Сразу после Первой мировой войны в Любляне гастролировала актерская группа М. Муратова, которая настолько восхитила публику, что правление Драматического театра, центрального словенского театра, включило в свою труппу двенадцать ее членов. Это привело к настоящему бунту словенских актеров, вследствие чего многие русские актеры ушли из театра. Среди тех, кто остался в Любляне, следует упомянуть в первую очередь Бориса Владимировича Путятю, который оставил о себе добрую память как актер, режиссер, педагог, хотя он умер уже в 1925 г. Более счастливой была его партнерша Мария Николаевна Наблоцкая, которая начиная со своего первого выступления в драме «Идиот» по Достоевскому в 1923 г. и вплоть до последнего выступления в «Безумной из Шайо» Ж. Жирарду в 1956 г. блистала в качестве одной из самых ярких звезд на словенском театральном небосклоне¹².

Вернемся к политическим отношениям внутри коммунистического лагеря. В 1937 г. Коминтерн оказал словенцам большую услугу, разрешив создать внутри Коммунистической партии Югославии самостоятельную Коммунистическую партию Словении по образцу республиканских партий Советского Союза. Приобретенная таким образом относительная самостоятельность Словенской Коммунистической партии позволила ей четыре года спустя, когда в оккупированной Словении был учрежден Освободительный фронт, придать повстанческому движению в Словении патриотический оттенок. Против такой тенденции Москва не возражала, даже поддерживала ее. Это доказывает и тот факт, что Коминтерн уже в 1942 г. удовлетворил требование словенских коммунистов разрешить им распространить их пропагандистскую и военную деятельность вне пределов Югославии на итальянскую провинцию Юлийская Краина

(Венеция Джулия), как итальянцы переименовали Приморье. Этим было нарушено одно из правил международного коммунистического движения, что на одной и той же территории не допускается деятельность двух подразделений Коминтерна, и косвенно было подтверждено право на самоопределение словенцев, оказавшихся жертвами фашистской политики ассимиляции¹³. Когда после капитуляции Италии 8 сентября 1943 г. Освободительный фронт объявил о присоединении Приморья к Словении (это решение в конце ноября 1943 г. принял также II съезд АВНОЙ), Москва против этого не возражала, наоборот, в последующие месяцы более или менее решительно поддерживала идею корректировки итальянско-югославской границы. По причине этого, но особенно из-за идеологической близости, в 1944 г., когда в Словении появились первые советские военные миссии, возникло тесное и искреннее сотрудничество, которое лишь дополнило уже долгое время налаженный с помощью радиосвязи военный и политический диалог между словенским Главным штабом и московской властью. Первая военная миссия Красной Армии прибыла в Главный штаб Словенской армии, находившийся в то время в Белой Крайне, 17 марта 1944 г. Ею руководил полковник Николай Патрахальцев, которого в декабре того же года заменил Борис Николаевич Богомолов. В Приморье также действовала советская военная миссия, аккредитованная при штабе 9-ого корпуса. В центральной партизанской больнице в Кочевском Роге работала также советская военная медицинская группа, состоявшая из трех человек. К этим «официальным» представителям Красной Армии в Словении следует добавить также те советские кадры, которые по соглашению со Сталиным осенью 1944 г. Тито отправил в Словению для организации работы секретных служб, а также многочисленных русских военных, попавших в немецкий плен, но убежавших к словенским партизанам¹⁴. Немцы обращались с советскими военнопленными ужасно, так что они практически умирали от голода и издевательств, многие из них пытались спасти свою жизнь, поступив на службу в Вермахт (некоторые так поступали по антикоммунистическим соображениям). Нацисты их использовали прежде всего в борьбе с партизанами, при этом власовцы, казаки, черкесы, как их называли в народе, отличались особой жестокостью и дикостью¹⁵. С другой стороны, нельзя не вспомнить, что многие словенцы, принудительно призванные немцами в свою армию, боролись на Восточном фронте, участвовали в решающих битвах, например в Сталинградской, и часто оказывались в советском плену, откуда вернулись лишь несколько сотен. Некоторые из них в качестве добровольцев направлялись советским командованием в воинские части организованной в Советском Союзе югославской

партизанской армии. Вместе со словенцами, жившими в России или других республиках СССР, их насчитывалось приблизительно 2000 человек. Они составили две пехотных и одну танковую бригады. Некоторые из упомянутых выше мобилизованных фашистами лиц перебежали к русским при первой возможности и приносили с собою ценные сведения о немецких боевых планах. Сообщение о времени начала немецкого наступления под Курском принес ночью накануне начала операции один из таких словенских перебежчиков¹⁶.

В канун окончания войны во время операций по освобождению Югославии в Прекмуре прибыли регулярные части Красной Армии, принятые населением как освободители от венгерской оккупации. При переправе через реку Мура погибло около трехсот советских бойцов, в память о которых уже в августе 1945 г. в Мурской Сободе воздвигли величественный памятник работы выдающихся словенских скульпторов Бориса и Зденка Калинов. Без памятника остались те 10 тысяч «казачков», немецких прислужников, которых Красная Армия в мае 1945 г. из Австрии перевезла в Марибор. Они были расстреляны в большой танковой траншее на Дравском поле¹⁷. На другом краю Словении, в Приморье, которое IV Югославская армия и IX корпус Словенской армии совместно с советскими военнопленными, включенными в партизанские отряды, и представителями советских военных миссий освободили 1 мая 1945 г., шли переговоры о спорной территории, которую словенцы требовали для себя, хотя формально она еще принадлежала Италии. Приморье особенно в городах имело многочисленное итальянское население. О нем вели переговоры в Ялте в феврале 1945 г. Сталин, Черчилль и Рузвельт. Вскоре между ними возникли разногласия. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль и новый американский президент Генри С. Труман в армии Тито, решившей установить границу по реке Соча, видели угрозу для своей гегемонии в Северной Адриатике и в долине реки По. Они в ультимативной форме потребовали отступления югославских войск хотя бы с западной части спорной территории. В мае 1945 г. к участию в споре были привлечены Богомоллов и другие члены советской военной миссии, сотрудничавшие как со словенской военной и гражданской властью, так со словенскими и итальянскими агентами, присутствовавшими там еще со времен Коминтерна. Об их задачах и влиянии на развитие драматических событий в Триесте и его окрестностях весной 1945 г., как и об акции советской разведывательной группы СМЕРШ, летом того же года прибывшей в Люблян, известно уже много, но полная картина их деятельности может быть выяснена только после исследования материалов московских архивов¹⁸.

Поскольку Сталин не поддержал из уважения к западным союзникам требования Тито о демаркации по реке Соча, армия должна была отступить 12 июня 1945 г. за демаркационную линию, разделявшую Юлийскую Крайну на две части. Управление зоной А упомянутой территории перешло к англо-американской администрации, зона Б осталась под югославской оккупацией до решения мирной конференции об установлении новой югославно-итальянской границы. При подготовке к ней в период с сентября 1945 г. по июль 1946 г. произошли несколько совещаний между четырьмя союзниками, на которых советский министр иностранных дел В. М. Молотов активно выступал в поддержку словенских территориальных требований. При этом он тесно сотрудничал с Эдвардом Карделем, главою югославской делегации на мирной конференции в Париже и его сотрудниками, большинство из которых были словенцами. Несмотря на усилия, которые поддерживал сам Сталин, югославам не удалось добиться желаемых результатов. Советский Союз не решился углублять намечавшийся раскол с Западом. Было принято компромиссное решение, по которому граница с Италией была откорректирована в пользу Словении, но без двух главных городов Юлийской Крайны — Триеста и Горицы. Триест стал главным городом Свободной территории, включавшей кроме него и территорию вокруг Триестского залива, а Горица была возвращена Италии. Для словенцев это решение было большим ударом, ибо они боялись быть отрезанными от моря. В этом Кардель упрекнул Молотова. Ответ советского министра являлся типичным для представителя великой державы: «Неужели вы думаете, что каждый округ должен иметь свое море?»¹⁹

Вопреки холодному душу отношения между словенцами и русскими никогда еще не были настолько интенсивными как в годы после Второй мировой войны. В Советский Союз, прежде всего в Москву и Ленинград, приезжали десятки молодых словенцев, поступавших в различные военные учебные заведения: военную школу имени Ворошилова, курсы НКВД, а также на различные факультеты университетов обоих городов. Наряду с этой словенской интеллектуальной эмиграцией в Словении огромным успехом пользовалась русская культура и наука. Традиционную любовь словенского народа к русской литературе и музыке заменило окрашенное идеологией подражание советскому социалистическому реализму, однако, возникновение этого явления не было обусловлено одними политическими мотивами. Восторг перед Советским Союзом подкреплялся надеждой, что будущее словенского и других югославских народов нераздельно связано с будущим русского и других, прежде всего славянских народов, советского блока. Это ясно выразил один из

виднейших современных словенских мыслителей, поэт, эссеист и политический деятель христианско-социалистического направления Эдвард Коцбек, который, возвратившись из путешествия по России и Украине весной 1946 г., заявил: «Я вернулся наполненный впечатлениями от приключений, как пчела медом <...> Я рад прежде всего тому, что после всех своих личных решений, принятых мною перед войной и во время освободительной войны, я смог посетить землю, которая является магнитом для чувств и разума всех передовых людей мира, и что словенский народ соединил с нею свою судьбу»²⁰.

Уже через полтора года развитие событий показало, что этим надеждам не суждено осуществиться. Из-за того, что Тито в послевоенные годы все более назойливо проводил на Балканах, в придунайских странах и Южной Европе политику, не соответствующую советским интересам, Сталин решил устранить его. Свое негодование по отношению к югославскому партийному руководству, которое он хотел заменить новым, более послушным ему, Сталин выразил тем, что приказал исключить Коммунистическую партию Югославии из только что созданного Информбюро. Информбюро должно было отвечать за согласованность политики важнейших коммунистических партий. Новость об этом неожиданном решении грянула 29 июня 1948 г. Однако она не имела того эффекта, на который рассчитывал кремлевский «хозяин». Вместо того, чтобы «здоровые» силы Югославии свергли Тито и его соратников, как ожидал Сталин, партия, армия, секретные службы, а также большинство общества сплотились вокруг руководства и изолировали тех, кто вынашивал планы свержения правительства (или лишь подозревался в этом). Последние были схвачены и отправлены в лагерь, из которых самой дурной славой пользовался лагерь на Голом острове в Кварнерском заливе²¹. Словенцев между ними было относительно немного — всего лишь 566 человек, ибо несмотря на увлечение Россией, в Словении, в противовес другим югославским республикам, почти никто не имел иллюзий относительно режима Сталина. Немногочисленные сторонники Информбюро, успевшие избежать ареста и сбежавшие за границу, в Советском Союзе и других государствах-сателлитах включились в пропагандистскую деятельность против «фашистского режима Тито–Ранковича», но и там не играли значительных ролей²². В это драматическое время под ударом оказались русские эмигранты и их дети в Словении. Некоторые из потомков эмигрантов вопреки белогвардейскому прошлому своих родителей выступили на стороне Информбюро и попали под колеса репрессий УДБА (органа государственной безопасности)²³.

Словенский народ дорого заплатил за разрыв между Сталиным и Тито. Вzbесившись из-за того, что ему не удалось свергнуть югославское руководство лишь «шевелинув пальцем», Сталин использовал для мщения все средства экономического, политического и дипломатического давления, которыми располагал. Его дипломаты отказались поддержать югославские требования, касавшиеся ревизии словенско-австрийской границы в Каринтии, и в июне 1949 г. взамен за немецкое имущество в Австрии договорились с Западом навсегда оставить границу между Словенией и Австрией по горному хребту Караванки²⁴. Эта сделка, жертвой которой оказался словенский народ, сильно охладила симпатии к русским и, вероятно, содействовала более критичному отношению югославского руководства к советскому режиму. Эдвард Кардель, как и другие идеологи, стали вскрывать недостатки советского «гегемонизма», а затем перешли к тотальной критике всей советской системы. В противовес «азиатскому» централизму, который якобы разрешал партийной «касте», находившейся у власти, эксплуатировать пролетариат, они выдвинули идею самоуправления. Последняя по образцу Парижской Коммуны 1871 г. давала рабочим контроль над предприятиями, на которых они работали. После смерти Сталина отношения между Белградом и Москвой улучшились, но несмотря на приглашения Н.С.Хрущева вернуться в советский «отряд», югославские власти стали придерживаться во внешней политике принципа неприсоединения ни к Востоку, ни к Западу, стремясь найти себе союзников между бывшими колониальными странами Африки и Азии²⁵.

Со второй половины пятидесятых и до конца 70-ых гг. XX в. советско-словенские отношения развивались в общем русле отношений СФРЮ и СССР. Были моменты искреннего и плодотворного сотрудничества, но были и моменты идеологического напряжения, достигшего своей вершины в августе 1968 г., когда танки Варшавского пакта насильственно подавили «пражскую весну». С этого времени югославы стали бояться военного посягательства на их страну со стороны СССР, постоянно присутствовал страх перед советским вторжением в случае кризиса, который, считали они, начнется после смерти Тито. Этим страхом было обусловлено также окончательное решение словенского пограничного спора с Италией, который тлел после 1954 г., то есть после заключения так называемого Лондонского договора между США, Великобританией, Италией и Югославией. По этому договору зона А Свободной территории Триеста, которая после подписания мирного договора с Италией оставалась под англо-американским управлением, переходила под гражданское управление итальянского правительства. Зона Б упомянутой

территории оставалась в Югославии и была разделена между Словенией и Хорватией. Речь шла о частичной ревизии мирного договора, которую Москва вопреки ожиданиям приняла, хотя долгое время препятствовала такому решению. Югославы считали границу, проведенную между обеими зонами окончательной, в то время как итальянцы, хотя бы на пропагандистском уровне, не отказались от притязаний на зону Б. Оттуда раздавались постоянные претензии, грозившие превратить территорию Северной Адриатики в очаг кризиса в случае оккупации Югославии советскими войсками после внутреннего переворота. Этот страх, являвшийся предметом многочисленных дискуссий в НАТО в начале 1970-ых гг., и стал причиной Осимского договора, который окончательно решил пограничный вопрос между Италией и Югославией. Решение Москвы признать этот договор, имело большое значение для словенцев, ибо оно обеспечивало им международное признание суверенитета над целой территорией своей республики и тем самым хотя бы частичный уход от зависимости ее защиты со стороны Югославской народной армии²⁶.

Напряжение в отношениях с Советским Союзом, достигшее вершины в 1968 г., оказало решительное влияние на внутреннюю политику словенцев. Было ясно, что в случае нападения стран Варшавского пакта Югославская народная армия не сможет охранять всю территорию Федерации, но должна будет отступить в природную крепость Боснии и Герцеговины. Поэтому югославское руководство решило организовать параллельную военную структуру, которая должна была бы вести бои на оккупированной территории в соответствии с традициями партизанского сопротивления. Таким образом уже в 1969 г. была организована Территориальная оборона, находившаяся под контролем отдельных республик. Словенцы это использовали для формирования собственной военной структуры, оказавшейся решающей силой в момент, когда в 1991 г. необходимо было защищать собственную свободу. Но их противником оказались не войска Варшавского пакта, а части Югославской армии²⁷.

С 1980 г., когда умер Тито, по 1991 г., когда Словения объявила о своем суверенитете, разыгралась одна из самых драматических глав в жизни словенского народа. На кризис, наступивший после смерти маршала и бывший прежде всего кризисом легитимности коммунистической партии, словенцы ответили требованием предоставить им возможность самим отвечать за свою судьбу. Они хотели вернуться из Балкан в Центрально- и Западноевропейское пространство, к которому они традиционно принадлежали. В этом контексте развал Советского Союза имел большое значение, ибо гласность и перестройка Горбачева без сомнения

повлияли на словенскую политическую элиту, и она заблаговременно начала сотрудничать с оппозицией в поисках выхода из тупика, в котором оказалась югославская федерация. Нет сомнения, что распад федерации не произошел бы, если бы одновременно не распалась советская империя, ибо с ее исчезновением Югославия потеряла свой *raison d'être* в качестве страны-подушки между блоками.

В период таких судьбоносных преобразований самые плодотворные отношения между Россией и Словенией завязали предприниматели, которые благодаря своим связям в Москве смогли в определенной мере повлиять на то, что Российская Федерация признала Республику Словению 14 февраля 1992 г. и 25 мая того же года установила с ней дипломатические отношения. Этот факт дал еще более сильный импульс активности словенских предприятий на российской территории и экономическому обмену, который в последнее время достиг более миллиарда долларов в год. Наряду с благоприятным экономическим развитием происходит углубление отношений в культурной и политической областях. Оно получило в Словении свой облик в учреждении Общества Словения–Россия в 1996 г. Памятное торжество у Русской часовни недалеко от селения Краньска гора, где каждый июль проходит православная панихида в память о русских военнопленных, погибших при строительстве дороги, становится символическим событием, которое укрепляет братство во имя общего славянского рода, но при уважении различий, обусловленных столетиями истории.

Лит. обработка перевода И. Чуркиной

Примечания

¹ *Nečak D., Repe B. Prelom 1914–1918 // Svet in slovinci v 1. svetovni vojni. Ljubljana, 2005. S. 209.*

² *Švajncer J. Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju // Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. Logatec, 2004. S. 121.*

³ *Dobrovoljci kladivarji Jugoslavije: 1912–1918. Ljubljana–Maribor, 1936; Jugoslovani v Oktobru: zbornik spominov udeležencev oktobrske revolucije in državljanske vojne v Rusiji (1917–1921). Ljubljana, 1969.*

⁴ *Kacin Vohinc M., Pirjevec J. Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000 // Nova Revija. Ljubljana, 2000. S. 25–28.*

⁵ *Enciklopedija Slovenije. Knj. 10. Ljubljana, 1996. S. 346.*

⁶ *Kacin Vohinc M., Pirjevec J.* Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000. S. 77, 78.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 69. Д. 268.

⁸ *Bebler A.* Čez drn in strn. Spomini. Koper, 1981. S. 59, 60.

⁹ *Pulko R.* Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. S. 13, 27, 31–33.

¹⁰ *Brglez A., Seljak M.* Ruski profesorji na univerzi v Ljubljani. Ljubljana, 2007. S. 1–6.

¹¹ *Pulko R.* Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941. S. 96, 97.

¹² *Lipah F.* Gledališke zgodbe. Ljubljana, 1938. S. 72, 86–89.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 268.

¹⁴ *Tance P.* Il controspionaggio in Slovenia e le missioni militari straniere durante la seconda guerra mondiale e nel primo periodo postbelliko. Diplomska naloga. Univerza v Trstu. Ak. leto 1996–1997. S. 90–130.

¹⁵ *Švajncer J.* Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju. S. 128–130.

¹⁶ *Ibid.* S. 130, 131.

¹⁷ *Ibid.* S. 132.

¹⁸ *Tance P.* Il controspionaggio in Slovenia e le missioni militari straniere durante la seconda guerra mondiale e nel primo periodo postbelliko. S. 76–198.

¹⁹ *Kardelj E.* Spomini. Ljubljana, 1980. S. 90, 93.

²⁰ *Pirjevec J.* Edvard Kocbek v Sovjetski zvezi // Bilten Društva Slovenija–Rusija. Ljubljana, 1998. Št. 4. S. 56.

²¹ *Pirjevec J.* Tito, Stalin in Zahod // Delavska edinost. Ljubljana, 1987.

²² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 279, 250.

²³ *Švajncer J.* Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju. S. 134, 135.

²⁴ *Pirjevec J.* Il gran rifiuto: Guerra fredda e calda tra Tito, Stalin e l'Occidente // Est Libris. Triest, 1990. S. 338, 339.

²⁵ *Kardelj E.* Spomini. S. 147.

²⁶ *Kacin Vohinc M., Pirjevec J.* Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000. S. 135–140, 153–157.

²⁷ *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Koper, 1995. S. 311.